

© 1994 г.

В.О. РУКАВИШНИКОВ

**СОЦИОЛОГИЯ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА
(закономерности и динамика изменений
социальной структуры и массовой психологии
в посткоммунистической России и Восточноевропейских странах)**

Введение

Девиз «Знать, чтобы предвидеть» во многом определял характер развития социологической науки со времени Огюста Конта. Стремительный распад обществ «реального социализма», случившийся в Восточной Европе в конце 1980-х годов, застал многих социологов врасплох. Обществоведы, в том числе советские социологи, не сумели предвидеть сроки и масштабы политических и социальных изменений в обществе, в котором они жили. Достаточно просмотреть содержание журнала «Социологические исследования» конца 1970-х — начала 1980-х годов, чтобы убедиться в справедливости этого утверждения. Статья не ставит целью анализ причин данного факта. Однако потеря престижа социологии как науки, отождествление социологии в целом с пользующимися общественным вниманием опросами общественного мнения, во многом связано, на наш взгляд, с тем что наши ведущие социологи не сумели своевременно оценить последствия начатых в середине 1980-х реформ и не смогли сказать громко, честно и открыто о характере и направленности радикальных перемен, объективно вытекающих из политики так называемой «перестройки социализма». Объективности ради заметим, что и большинство западных социологов не ожидало столь бурного распада коммунистических режимов на востоке Европы.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 93-06-10280 «Социальная динамика и социальная напряженность в обществе переходного периода (на примере Российской Федерации)», научный руководитель — В.О. Рукавишников) и в соавторстве с Игориком Юрием Ивановичем, Лыкошиной Ларисой Семеновной, Светлорусовой Людмилой Максимовной, Шамшиевой Ларисой Николаевной, Щербаковой Юлией Александровной (сотрудники ИНИОН РАН— обзор материалов по отдельным странам Восточной Европы), Рукавишниковой Татьяной Павловной, Шестаковым Юрием Юрьевичем (ИСПИ РАН — обследование населения России).

В настоящее время в России и других восточноевропейских государствах идет активный процесс становления гражданского и политического общества буржуазного типа. Капитализация национальной экономики — экономическая основа этого процесса. Изменения в индивидуальной и социальной психологии, в системе ценностей и ориентаций общественных групп и слоев являются частью и производной от выше-названных процессов. Темп и характер изменений политической и экономической системы, социальной структуры и массовой психологии во многом зависит от структурно-экономических, этнокультурных, политических и иных конкретно-исторических условий, специфичных для каждой отдельно взятой страны. Из этого не следует, что делать выводы об общих чертах и закономерностях тенденций и процессов, проявляющихся во всех странах данного региона, невозможно. На то, чтобы зафиксировать и понять перемены в социальной структуре и социальной психологии, направлены коллективные усилия ученых многих стран.

Едва ли нужно подробно обосновывать необходимость разработки социологии переходного периода как теории, описывающей и объясняющей закономерности и особенности преобразований в бывших социалистических странах в настоящее время. В данной работе предпринимается попытка обобщения, основанная прежде всего на сравнении выводов, полученных в ходе исследований, проводившихся нами в 1989—1994 гг. в России, и опубликованных материалов исследований в ряде экс-социалистических стран¹.

Общие закономерности трансформации социальной структуры посткоммунистических обществ

В социальной структуре и социальном составе населения посткоммунистических стран происходят как количественные, так и качественные изменения. Эти изменения связаны прежде всего со структурной перестройкой экономики, снижением числа занятых в одних отраслях и увеличением численности работающих в других (например, в восточных землях ФРГ — бывшей ГДР сократилось число занятых в промышленности, горном деле и сельском хозяйстве и увеличилась доля работников сферы услуг и строительства), появлением массовой безработицы (по официальным статистическим данным в России к концу 1993 г. 10,4% экономически активного населения не имело работы или работало в режиме неполной занятости, при этом лишь 1,1% населения имели официальный статус безработного; в Болгарии летом 1993 г. уровень безработицы составил около 17%, в Румынии около 9,3%; в Чехии — 2,6%), а также изменением отношений собственности (сокращение доли занятых в государственном секторе экономики и в кооперированном сельскохозяйственном производстве при росте числа занятых в частном секторе, акционерно-рантье, владельцев мелких, средних и крупных частных предприятий). Количественно изменения традиционно выделяемых социально-профессиональных категорий, масштабы и интенсивность социальных перемещений, связанные с новой системой социальной дифференциации и социально-экономической ситуацией, еще не описаны социологами и статистиками с достаточной степенью достоверности.

Особенно важен вопрос о воздействии политики реформ на положение различных слоев и категорий населения в структуре общества, их отношении к власти, правящим группам и между собой, т.е. исследование качественной стороны происходящих перемен. Так, промышленные рабочие, представляющие по-прежнему наиболее организованную силу, в свое время сыгравшую немаловажную роль в крушении коммунистических режимов и приходе к власти демократов, ныне все чаще отказывают властям в поддержке. Продолжающееся обнищание лиц наемного труда вследствие неостановленной инфляции с неизбежностью ведет к осознанию рабочими своих классовых интересов и углублению пропасти между управляемыми и управляющими, хозяевами жизни. Итоги голосования на недавних выборах в России и Польше, высокая забастовочная активность трудящихся в большинстве стран Восточной Европы

являются яркими свидетельствами зыбкости посткоммунистического социального мира. Судя по имеющимся данным, курс на ликвидацию кооперативных форм аграрного производства не привел до настоящего времени к образованию высокопродуктивного фермерства, однако способствовал росту социальной напряженности на селе. Это проявилось даже в Польше, где в сельском хозяйстве традиционно доминировал частный сектор, а владельцы крестьянских хозяйств составляют около 20% профессионально занятых (в развитых капиталистических странах — 3—10%)².

«Офицеры связи», как называл А. Тойнби интеллигенцию стран, соседствующих с центрами развития цивилизации, сыграв свою роль в политических катаклизмах 1980—1990-х годов с изумлением заметили, что производимый ими товар ценится очень низко на внутреннем рынке. Как писал в этой связи известный социолог польского происхождения З. Браун, «польская революция пожрала, если не своих детей, то своих отцов» [1]. Результатом сокращения государственной поддержки науки, высшего и среднего образования, медицины, культуры и искусства явилась пауперизация основной массы работников умственного труда, падение их престижа и социального статуса. Между тем, как известно, интеллигенция и служащие являются важной составной частью так называемого «среднего класса», обеспечивающего устойчивость гражданского общества в современной западной цивилизации. Отсутствие достаточно массового «среднего класса» является закономерной чертой обществ переходного периода.

Интеллигенция, ранее в большинстве своем поддерживавшая слом прежней политической и экономической системы, ныне оказалась расколотой в отношении практики реализации реформ. Часть ее продолжает прежнюю линию поддержки радикально настроенных демократов, другая полностью разочаровалась в них, третья погрузилась в уныние и апатию, потеряв всякий интерес к политической жизни. Рядом авторов высказывается мнение, что интеллигенция в традиционном понимании исчезает. На смену ей приходят и остаются, как и в других странах западной цивилизации, интеллектуалы с совершенно иным социальным статусом и исторической ролью. Нам представляется, что данный процесс также может рассматриваться в качестве одной из общих закономерностей перехода. Это неизбежное следствие замены одной доминировавшей культуры (в самом широком смысле этого термина) на другую.

Важнейшей чертой, определяющей динамику трансформации социальной структуры в переходный период, является формирование класса частных предпринимателей, буржуазии. Выделяются несколько групп, отличающихся по характеру своего генезиса:

— предприниматели, выросшие в недрах прежней номенклатуры (здесь различаются ушедшие в частный бизнес бывшие партийные и комсомольские функционеры и хозяйственники, руководители государственных предприятий, которые, используя свое служебное положение и законы о приватизации, сумели создать акционерные общества и занять в них господствующее положение). Как профессиональные управленцы эти люди сумели успешно войти в негосударственную экономику, начать стремительно обогащаться, используя связи, сложившиеся в прежние времена, и несовершенство законов;

— предприниматели, ведущие свое происхождение от «черного рынка» и «теневой экономики». Деятельность многих из них по сути означает выход на поверхность ранее накопленных криминальным путем капиталов. Согласно польским источникам, среди 100 самых богатых людей страны по крайней мере половина принадлежит именно к этой категории [1];

— люди, пришедшие в частный бизнес из науки и высшей школы, вооруженных сил и спецслужб, промышленных предприятий и торговли, в том числе и через кооперативы после 1988—1989 гг.;

— эмигранты и люди, заработавшие свой капитал за границей и ныне вкладывающие его на родине;

— «наследники», т.е. лица, получившие собственность по закону о реституции (в эту группу входит и слой рантье, поскольку далеко не все владельцы денежных

средств и собственности лично занимаются бизнесом; в Болгарии, например, 98% лиц, получивших возвращенную им недвижимость, сдали ее в аренду, и только 2% занялись бизнесом [2]);

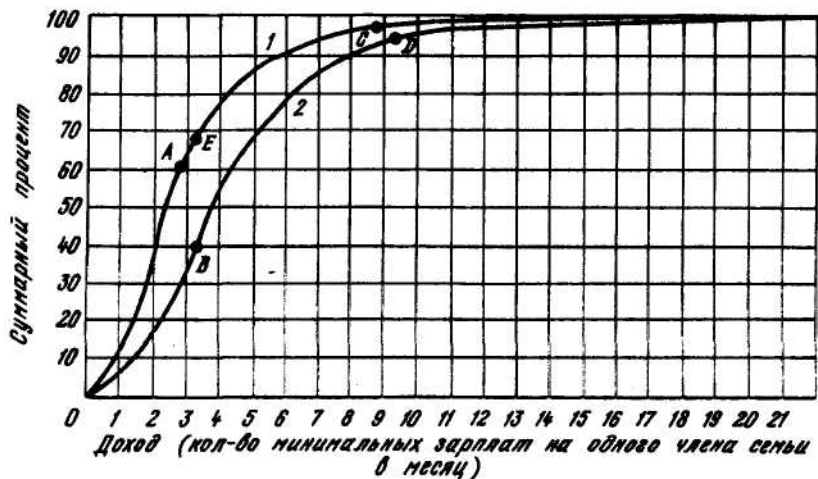
— владельцы фермерских хозяйств и земли на селе, которые, как и многие горожане, ушедшие в мелкий бизнес, в большинстве пока еще не могут похвастаться своими успехами и состояниями.

По имеющимся оценкам, «новые богатые» и члены их семей составляют в эксоциалистических странах от 3—5% до 10% населения. Среди них также идет быстрый процесс расслоения, и «неудачники» формируют верхнюю часть складывающегося «среднего класса». Нижняя часть его рекрутируется из высокооплачиваемых лиц наемного труда, занятых как правило, в частном секторе. Эти люди отличаются от работников бюджетной сферы не только более высокими заработками, иным социальным статусом, но и жизненной философией.

Закономерной чертой переходного периода является маргинализация части населения. Этим термином обозначается объективный процесс утраты индивидами своей идентификации с определенными социальными общностями и изменение социального положения отдельных групп вследствие изменения их общественного статуса, уровня дохода и проч. (см. об этом, например, [3]). К маргиналам принято относить люмпен-пролетариат, безработных, проституток и преступников, инвалидов. Маргинализация является прямым следствием структурных изменений в экономике и падения жизненного уровня большинства населения. Массовая маргинализация препятствует быстрому становлению гражданского общества, основанного на принятии и защите большинством населения демократических ценностей и свобод. Психологически маргиналы более склонны к поддержке авторитарных личностей, предлагающих предельно простые рецепты сказочно быстрого выхода страны из кризиса, а значит и обретения достойного места в обществе каждым из потерявших надежду людей.

Социальная мобильность в переходный период достаточно высока. Немалая часть членов общества быстро, добровольно или вынужденно, меняет свои социальные роли, профессию, статус (например, по схеме «работник госпредприятия — безработный — переучивающийся — работник частного предприятия или предприниматель»). Исчезают, возникают или меняют свой статус профессиональные группы. Достаточно вспомнить, как в одночасье исчезли освобожденные партийные и комсомольские работники, секретари ячеек на предприятиях и политработники в воинских частях, приобрели иной статус профсоюзные функционеры, была легализована деятельность частных детективов и т.д. В подборе и расстановке кадров утратил свое значение критерий политической благонадежности (членство в компартии), имевший в практике занятия руководящих должностей зачастую куда большее значение, чем профессиональная квалификация работника³. Общество становится более открытым. Однако сказать, что оно приобретает черты меритократического общества нельзя, ибо элита, как и прежде, формируется отнюдь не из самых достойных и образованных. Напротив, число желающих получить высшее образование резко сократилось; это прямое следствие падения его престижа, уровня материального благосостояния работников умственного труда, пренебрежения интересами науки, образования, культуры и здоровья нации со стороны властей. Социальная мобильность все в меньшей степени зависит от социальных характеристик семьи и в большей мере определяется личностными качествами и образованием индивида. Подобная трансформация модели мобильности также может рассматриваться, на наш взгляд, в качестве отличительной черты этого времени.

По мере модернизации восточноевропейских стран все явственнее объективные противоречия интересов различных категорий населения (работников различных отраслей, борющихся за повышение тарифов и заработной платы, изменение системы налогообложения жителей города и деревни, предпринимателей и наемных работников и т.д.). Это также может рассматриваться как закономерность переходного периода. К сожалению, подробное рассмотрение этого чрезвычайно интересного аспекта

Распределение населения России по размеру среднедушевого денежного дохода: 1 — кумулятивная кривая (суммарный процент) распределения городского населения России по размеру денежного дохода на одного члена семьи, построенная по данным выборочного почтового опроса взрослого городского населения, проведенного Отделом социальной динамики ИСПИ РАН в мае 1993 г. (объем выборки 1 172 человека, погрешность — 3%; 2 — кумулятивная кривая распределения всего населения России по размеру среднедушевого денежного дохода в III квартале 1993 г., построенная по данным Госкомстата РФ. На горизонтальной оси показаны значения, кратные размеру минимальной заработной платы, которая, по официальным данным, составляла во II квартале 1993 г. 4 275 руб., а в III квартале — 7 740 руб. По данным Министерства труда, в мае 1993 г. прожиточный (физиологический) минимум составлял 13 104 руб. (или 3,06 минимальных зарплат — точка A на кривой 1), а в августе 1993 г. — 25 842 руб. (3,34 минимальной зарплат — точка B на кривой 2). Минимальный потребительский бюджет (социальный минимум) в мае был равен 38 148 руб. (8,92 минимальной зарплат — точка C на кривой 1), а в августе — 71 257 руб. (9,21 минимальной зарплат — точка D на кривой 2). «Порог бедности» в представлениях горожан, рассчитанный как средняя по выборке на базе оценок величины дохода, за которым, по мнению опрошенных, начинается подлинная бедность, был равен в мае 1993 г. 3,3 минимальным зарплатам (примерно 14 тыс руб. — точка E на кривой 1). «Граница богатства» — 62 минимальных зарплат (примерно 265 тыс. руб. на члена семьи в месяц — точка на рисунке не показана)

социальной динамики обществ переходного периода мы вынуждены оставить вне рамок настоящей статьи. Анализ этих противоречий — задача будущих исследований социологов.

Меняется социальная природа бывших социалистических стран, изменяются и критерии организации социальной структуры, методология ее исследования. Понимая, что данный аспект темы также требует обстоятельного специального рассмотрения, мы хотели бы отметить лишь следующее.

Во-первых, инерционность композиции основных структурообразующих элементов, которая выражается в отмеченном выше относительно медленном изменении пропорции и численности больших социальных групп и слоев (рабочих, крестьянства, работников умственного труда).

Во-вторых, заметные изменения в составе элит. Нам представляется, что утверждение о полном уходе прежней политической, экономической и тем более военной элиты с господствующих высот, является не соответствующим действительности применительно как к России в целом, ее отдельно взятым республикам и областям, так и большей части остальных стран региона. Скорее, можно говорить об энергичной перегруппировке, умелом приспособлении прежних властей предрержащих к новым политическим и экономическим реалиям (мы говорим о сложившихся ранее элитных сообществах как элементах общественной структуры, а не о судьбах отдельных людей). В состав политической и экономической элиты вошли новые люди и группы. Очевидна борьба клик внутри элит за власть, господствующее положение в эко-

номике. Формирование политической элиты происходит в условиях недостаточного развития гражданского общества, что накладывает свой отпечаток на этот процесс. По сути дела избиратели мало что знают даже о тех деятелях, которых избирают в парламент. Партии еще не стали формой выражения социально-классовых или групповых интересов. Отчуждение масс от власти не преодолено. Следует признать, что опыта изучения элит социологи восточноевропейских стран (и российские в том числе) не имеют, а то, что сделано за последние два—три года — лишь первые и робкие шаги⁴.

В-третьих, изменение роли ряда социальных институтов и прежде всего духовенства и религиозных сообществ, армии в общественно-политической жизни.

В-четвертых, изменение состава и роли структурообразующих факторов, в частности, возрастание значения таких характеристик как доход и источники его получения. Экономические реформы, проводимые правительством России в 1992—1993 гг., опирались, как известно, на неолиберально-монетаристскую доктрину. Воплощение принципов этой доктрины в жизнь означает запуск механизма саморазвития рыночной экономики определенного типа. Экономисты-реформаторы сосредоточили свое внимание главным образом на создании необходимых для этого экономических предпосылок (приватизация государственной и общественной собственности, создание сети коммерческих банков и бирж и т.д.). Сходным образом действовали реформаторы в правительствах ряда других государств. При этом неявным образом предполагалось, что условия социально-политического и психологического характера, обеспечивающие эффективную реализацию программы экономических реформ, возникнут «полуавтоматически», как неизбежное следствие смены политической системы и принципов организации хозяйственной жизни. Недооценка важности социальных аспектов экономической реформы жестоко мстит как ее инициаторам, так и тем, кто является ее субъектом. Шоковая терапия по рецепту Е. Гайдара не привела к скорейшему выходу России из кризиса, однако способствовала небывалому росту имущественного неравенства среди россиян. Так, по официальным статистическим данным, децильный коэффициент дифференциации зарплаты (соотношение средней зарплаты 10% наиболее высокооплачиваемых работников и 10% наиболее низкооплачиваемых) к концу 1993 г. достиг 27 — это самый высокий показатель в мире, а децильный коэффициент дифференциации душевого дохода (отношение средних по группе доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченных семей) — 11 (в 1980-х он был равен 3—4). Кривая распределения по доходу приведена на рисунке. Миллионы россиян ныне проживают на грани и за чертой бедности, доля бедных в России существенно выше, чем до начала реформ.

Очевидно, что схема описания социальной структуры социалистического общества, применявшаяся социологами Восточной Европы до событий конца 1980-х, не может быть использована в настоящее время (мы не затрагиваем здесь вопроса ее несовершенства). Это означает, в частности, что вновь получаемые эмпирические данные должны быть осмыслены в рамках новых теоретических концепций, адекватных изменившейся социальной реальности. Следует согласиться с мнением американских ученых Терри Николс Кларка и Сеймур Мартин Липсета, что теоретические обобщения следуют вслед за реально происходящими в жизни переменами, и поэтому полные ответы на вопросы, которые ставят перед исследователями настоящее и будущее тех обществ, в которых они живут и развитие которых изучают, едва ли могут быть найдены в работах классиков социологии, заложивших основы теории стратификации, — Маркса, Вебера, Парето и Моска [7].

В каждой из посткоммунистических стран складывается новая система социальной стратификации. Степень ее сходства и отличия от стратификационных систем западноевропейских, североамериканских, латиноамериканских, африканских и азиатских государств в каждом конкретном случае определяется характером, глубиной и масштабом экономических и политических преобразований, принятыми принципами построения новой системы социальной защищенности граждан. К сожалению, из-за естест-

венных для журнальной статьи ограничений объема мы вынуждены отказаться от подробного обсуждения этого чрезвычайно интересного аспекта проблемы, непосредственно касающегося будущего облика российского общества. Это тема специальной статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Нашу работу в известной степени дополняют многочисленные публикации, в том числе и увидевшие свет на страницах журнала «Социс» в последнее время. Взятые в совокупности, эти работы могут рассматриваться, на наш взгляд, как весомый вклад российских социологов и журнала в разработку социологии переходного периода. Мы не имеем возможности перечислить все заслуживающие внимания работы и поэтому укажем лишь на некоторые из публикаций 1993 г.: *Дмитриев А.В.* Конфликт на российском распутье // Социол. исслед. № 9; *Латин Н.И.* Социальные ценности и реформы в кризисной России // Там же. № 9; *Руткевич М.Н.* Социология, власть, общественное мнение // Там же, № 6; *Здравомыслов А.Г.* Фундаментальные проблемы социологии конфликта и динамика массового сознания // Там же. № 8; *Заславская Т.Н.* Трансформация российского общества как предмет мониторинга // Информационный бюллетень ВЦИОМ и Интерцентра «Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения». № 2; *Осинов Г.В.* О концепции и стратегии социального развития России // Социально-политический журнал. № 8; *Бабаева Л.В., Козлов М.П., Резниченко Л. А., Солодухина Л.Г.* Малый бизнес в России: социальные типы и сферы деятельности. М., Доклады РНФ и РОПЦ, 5. В этой статье мы не ставили перед собой задачи обзора всей имеющейся литературы или освещения положения во всех без исключения странах региона.

² По итогам прошедших в 1993 г. выборов в польский Сейм, лидер Польской крестьянской партии В.Павляк получил возможность возглавить правительство республики. Это дало основания ожидать, что подходы польского руководства к проблемам крестьянства приобретут новые тона, вследствие корректировки прежнего курса реформ, ведущего к банкротству огромной крестьянской массы.

³ Вместе с тем, как отмечают, например, германские социологи, политическая биография и служебная карьера конкретного человека продолжают играть важную, порой «негативно-селективную» роль. Значительная часть людей, преуспевавших в бывшей ГДР, не сумели сохранить прежний статус в объединенной Германии. В то же время выявилось, что нередко только представителя прежнего руководства смогли получить и закрепиться на руководящих должностях в новых структурах, т.к. пришельцы из западных земель Германии не могли обходиться без их знаний о специфических восточногерманских реалиях. Исследования показали, что на территории бывшей ГДР персональное воспроизводство новых элит в сфере политики, экономики, управления происходит большей частью путем «импорта с Запада». Такая возможность «имплантации» руководящих кадров с высоким уровнем квалификации из рядов собственной нации является ускоряющим фактором и относительным преимуществом в прохождении процесса модернизации по сравнению с другими бывшими странами «реального социализма». Вместе с тем необходимо осознать, что в отношениях между руководителями, приехавшими в новые восточные земли с запада, и массой работников, занятых ранее на предприятиях ГДР, приходят в противоречие и сталкиваются два различных менталитета; зачастую у первых проявляется чувство превосходства, тогда как вторые страдают комплексом неполноценности. Эти отношения осложняются также двойной структурой оплаты труда: «осси» получают в среднем 70% от уровня соответствующей зарплаты у «весси» [4, 5]. Вообще говоря, в процессе обобщений необходимо учитывать заметную специфику преобразований в Восточной Германии: если другие страны бывшего социалистического лагеря создают новые политические и экономические структуры, опираясь на собственные силы, то восточным немцам необходимо лишь вписаться в эффективно функционирующую систему экономических, политических и социальных отношений ФРГ.

⁴ Так, например, весной 1992 г. в болгарском городе Благоевграде была проведена международная конференция на тему «Новые элиты, социальная стратификация в социальной мобильности в ходе антиноменклатурных революция» [6]. Любопытно, что, несмотря на злободневность темы, болгарские участники избегали рассмотрения вопроса о том, кто входил в коммунистическую элиту, какова судьба ее членов, и не формируют ли именно они новую частно-предпринимательскую экономическую элиту страны. Обращает на себя внимание предположение Э. Михайловой, что именно совпадение экономических интересов новой властвующей элиты и старого номенклатурного правящего класса тормозит изучение этой проблематики в посткоммунистической Болгарии. В России исследовательские проекты, посвященные изучению элит, ведутся в ряде институтов РАН.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Braun Z.* Rewolucje pozeraja ojcow // *Politika. W-wa*, 1993. R. 37. № 16. S. 21.
2. *Михайлова Э.* Коммунисты и антикоммунисты оформляются в новый класс. М., ИТАР-ТАСС. 1993. 9 янв. Сер. «СЕ». С. 9, 10.
3. *Тодоров А.* Маргинализация в условията на смяната на системата // *Социол. проблеми*, 1992. Г. 24, № 2.
4. *Adler Fr.* Soziale Umbruche // *Biss-Public. B.*, 1992. №. 2.
5. *Busskamp W.* Die Welt der Arbeit // *Soziale Fortschritt*. 1992. Jg. 41. №. 2.
6. *Николов С.* Нови елити, социална стратификация и социална мобилност в хода на антиноменклатурните революции // *Социол. проблеми*. 1992. Г. 24. № 4.
7. *Clark N.T., Lipset S.M.* Are Social Classes Dying? // *International Sociology*. December 1991. V. 6. № 4.

Окончание следует